

Не случайно автором указывается и профессия женщины – она кассир в небольшой сберегательной кассе. Ее мир – мир цифр, порядка (упорядоченности), контроля – но никак не стихийности, внезапности чувств и бесстрашия их проявления. Появившийся «домовой» словно открывает ей дверь в другое измерение. Вероятно, поэтому, несмотря на вызывающее поведение, предположение, что мужчина собирается уходить, вызывает у нее состояние неожиданного испуга.

Финал рассказа – двойственная оценка произошедшего героиней (то ли явь, то ли сон), но ее намерение спустя месяц после таинственной встречи переехать жить в другой район города, поменять квартиру знаменует ее стремление поменять и саму жизнь, наполнить ее собой, своими желаниями и решениями.

Таким образом, в рассказе Р. Боровиковой «Кофе для домового» образ Другого является доминантным. Образ Другого – не разрушительный образ, в многоуровневом диалоге с ним личность познает себя, поэтому отрицание Другого, как и подмена им индивидуального Я характеризует ошибочность жизненных установок личности. В рассказе прослеживается идея-призыв научиться слышать себя и жить, исходя из собственных ценностей, принимать мир в его многообразии, но не растворяться в нем, оставаясь собой.

Несмотря на наличие в системе образов рассказа мифологического персонажа, от сказочного контекста произведение отделяет и общая реалистичность происходящего (социальный портрет героев, детали быта), и его подчеркнутая наполненность узнаваемыми топонимами, историческими геомаркерами Минска: дом напротив вокзала, шумная привокзальная площадь, районы Зеленый Луг, Юго-Запад. В совокупности это позволяет говорить о том, что художественным методом писательницей был выбран метод магического реализма, переводящий повествование из волшебного дискурса в символический.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баравікова, Р. Вячэра манекенаў : Апавяданні / Р. Баравікова. – Мінск : Маст. літ, 2002. – 186 с. – URL: <https://www.rulit.me/books/vyachera-manekenu-read-422108-1.html> (дата обращения: 05.01.2025).

2. Шаршун, С. Магический реализм / С. Шаршун // Числа. – 1932. – № 6. – С. 229–231.

во всей ее полноте и своеобразии, раскрывают ресурсы для самостоятельного принятия решения, а не следование существующему сценарию.

Парадоксальность ситуации, легшей в основу «Кофе для домашнего» в том, что и героиня оказывается Другой по отношению к самой себе.

Героиня рассказа Р. Боровиковой руководствовалась жизненным планом, автором которого была не она, поскольку жила «по привычке». Механичность существования персонажа писательница довольно выразительно иллюстрирует следующей картиной: «[Героиня] *накінула паліто на хатні халацік – у буфеце ж не распранацца! – хутчэй па звычцы падвяла чорным алоўкам вочы, падфарбавала вейкі. Усё! З пад'езда выйшла не спяшаючыся – дыхаць паветрам, дык дыхаць, – і неўзабаве злілася з людскім патокам, несціханым і мітуслівым*». Каждое авторское уточнение подчеркивает растворенность героини во внешнем – в привычке макияжа, очевидная цель которого отвечать массовым ожиданиям того, как должна выглядеть женщина, в оправдании домашнего халата тем, что никто не увидит его под верхней одеждой (в данном случае можно говорить о взгляде-симулякре), и результатом этого является растворение ее в людском потоке. Поэтому ситуация «*дыхаць паветрам, дык дыхаць*» тоже воспринимается как антонимичная к жизненным установкам героини, поскольку «дышать воздухом» – это индивидуальный акт, акт свободы, что противоречит строгому следованию героиней общепринятому так называемому дресс-коду.

Так, желание отношений с мужчиной, «*партнерам па жыцці*», оказывается нереализованным из-за ее страха несоответствия неким социальным стандартам: «*Стрымлівала адно: няма вышэйшай адукацыі, прэстыжнай працы, а гэта, як казалі сяброўка, для сучасных мужчын таксама іграе не апошнюю ролю. Калі прагматызм, дык ва ўсім... Прывабнай знешнасці і кватэры мала! Дыплом, як фасад...*». Отметим, что в данном фрагменте также возникает образ-симулякр – мнение подруги, становящееся более значимым для героини, чем собственный опыт.

В череду не-своих (чужих) выборов вписывается и решение старшей сестры и матери разменять их общую квартиру, с чем она согласилась. Со своим молодым человеком она рассталась («*м-м, развіталася! Проста выгнала, і ўсё*»), потому что «*твар у яго быў нахабны, не іначай прымерваўся да кватэры. Відаць, было зручна зазірнуць з пляшкай, каб не на вуліцы, не ў скверыку.. А ў яе што, закусачная?!*». Непрямая речь героини убеждает в клишированности ее взгляда на мир.

расстегнутая куртка, шарф с рваными краями, заплатка на джинсах – *«прайдзісвет! Нанэўна, п'е... ў адзіноце... во-о і твар непаголены!»*. Но тем не менее будто какая-то сила заставляет ее пригласить незнакомца в свой дом.

Но появление мужчины в ее квартире сопровождается своеобразным хаосом, который он, как мифологический хозяин дома – домовой, вносит в ее быт, стремясь наполнить его элементами «живой» жизни, внезапности: оставляет между дверцами шкафа лоскут юбки, словно она была случайно ими зажата, переставляет вещи, делая домашнюю обстановку непривычной для взгляда героини, изменяет ее прическу, настаивая на том, что ей к лицу открытый лоб, а не челка, более того – пытается заставить ее мыслить и поступать не так, как ей свойственно: *«А навошта вы казалі: “Пасля памыецця”? Не... Жанчына павінна сказаць мужчыну іншае...»*.

Название «Кофе для домового» усиливает восприятие мужчины как Другого – он рожден другим миром, фантастическим по отношению к героине. Объединить столь разные персонажи может только чудо, волшебство, свойственное сказочному нарративу, либо, как отмечалось, магическому реализму, совмещающему реальный и ирреальный планы повествования. С. Шаршун, приводя слова автора термина «магический реализм» Э. Жалу, отмечал, что возможности этого метода позволяют увидеть в повседневной жизни те элементы, «благодаря которым [она] становится доступной поэтическим, сюрреалистическим и даже символическим преобразованиям» [2, с. 229].

Примечательно и название сборника, в который входит рассказ – «Ужин манекенов» («Вячэра манекенаў»). Оно представляет собой оксюморон, соединяющий процесс «живого мира» с неживыми предметами, что так же невозможно, как внезапное появление вымышленного персонажа в однокомнатной квартире с окнами на привокзальную площадь. Так писательница подчеркивает дихотомию, дуализм, возможную иррациональность бытия, которую многие герои рассказов, включенных в сборник («Гальшанскі трохкутнік», «Памылка Малой Галактыкі», «Ты, я і Валодзя» и др.) либо не замечают, либо не могут принять. Соглашение с установленными не ими обычаями, боязнь разрушить каноны, связанные с представлением о «правильной» жизни, лишают героев возможности чувствовать себя живыми в экзистенциальном значении. Сегодня в научный обиход введен термин «экзистенциальный анализ», который в рамках феноменологического подхода заявляет о важности для личности внутренней (духовной) гармонии. Достижение согласованности с собой, восприятие себя как человека, переживающего персональный, уникальный опыт, позволяют ощущать жизнь

**ОБРАЗ ДРУГОГО В РАССКАЗЕ РАИСЫ БОРОВИКОВОЙ
«КОФЕ ДЛЯ ДОМОВОГО» («КАВА ДЛЯ ДАМАВІКА»)**

Сюжетную канву рассказа современной белорусской писательницы Р. Боровиковой «Кофе для домового» образует на первый взгляд заурядная жизненная ситуация. День рождения героини (так и оставшейся неназванной), стоящие в вазе подаренные коллегами гвоздики, домашний вечер в одиночестве, мысли о том, что надо себя чем-то занять, вытереть пыль с мебели, вымыть посуду – и неосознаваемое желание внести в этот день то, что сможет нарушить его привычную рутину. Этим вызовом обыденности становится поход героини на легкий ужин в привокзальный буфет. В очереди за бутербродом и стаканом кефира она знакомится с мужчиной, который позже словно без ее участия и желания оказывается у нее в гостях, чтобы завершить вечер чашкой кофе. На утро героиня не может понять, была ли вчерашняя встреча сном или реальностью. Однако увиденная картина заставила ее закричать: *«...за сталом на табурэты сядзеў хтосьці ці штосьці маленькае і жудаснае. Памешвала тоненькай ручкай каву ў кубачку і пакалыхвала ножкамі, абутымі ў зялёныя боты з шырокімі халяўкамі... Яна яшчэ чула свой крык, а прывід як з'явіўся, гэтак і знік. І ўсё ж гэта было!.. Было! Яна бачыла...»* [здесь и далее текст произведения цитируется по источнику 1].

Очевидно, это «что-то маленькое и ужасное» – фигура, представленная в художественных традициях магического реализма, – оказывается воплощением вчерашнего незнакомца. Таким образом, смыслопорождающим началом в рассказе можно считать оппозицию Я – Другой. При этом первичным олицетворением Другого является образ мужчины – чужого, постороннего, инородного.

Противопоставленность составляющих окружающего героиню мира заявлена уже в первых строках произведения. С одной стороны – это день рождения, что сопоставимо с ожиданием радости, положительных эмоций, праздника, а с другой – *«слотны, халодны дзень»* и ожидание телефонного звонка (*«можжа, хто пазвоніць?!»*), на который *«хто гэта? – радасна выдыхне яна»*. Но никто не звонит, потому что звонить некому – никаких тесных связей с кем-либо у героини нет.

Обозначенный конфликт организует весь ход повествования. Внезапное знакомство в буфете с мужчиной еще более усугубляет отчужденность героини от всего внешнего, что персонифицируется в неприятии случайного собеседника: запах табака, желтоватые зубы,